

Дневник солдата Первой мировой

О боях, о кошельке, украденном на вокзале, и о немецком помещике, который хотел женить крестьянина на своей дочери

Рижский библиограф Анатолий Ракитянский достает из шкафа плотную тетрадь. Это дневник его деда Андрея Максимовича Лысенко времен Первой мировой войны. Всего было восемь дневниковых тетрадей. Три из них Лысенко объединил в одну. Остальные уничтожил в 1950-х — в них записи о 1917-м, о событиях на Дону, столь бурных, что даже сухие факты были небезопасны. Что-то в этом дневнике переписано, какие-то страницы вырваны, отдельные абзацы заклеены. Но даже сильно откорректированный, он сегодня является бесценным историческим документом.

«Придётся поведать...»

Автор дневника — простой крестьянин из села Пирогово Воронежской губернии. Окончил церковно-приходскую школу, а это в те времена уже много значило. Отдавали-то туда всех крестьянских детишек, но учебу заканчивали лишь единицы. Андрей Лысенко считался одним из самых образованных людей в своей среде. А начинается дневник крестьянского юноши с записи: «Заведена мной эта памятная тетрадь со дня смерти моего отца Максима Андреевича 25 октября 1898 года». Последние записи сделаны в 1967 году, за год до кончины.

«Дед родился в 1879 году, был сверстником Сталина и всю свою жизнь писал дневник, — вспоминает Анатолий Ракитянский. — Иногда писал на клочках, а вечером садился и переносил написанное в тетрадь». К началу Первой мировой войны Андрей Лысенко был женат и имел трех дочерей: Марфу, Евфимию (мама Анатолия Ракитянского) и Валентину, родившуюся в первый военный год. Призыву он не подлежал по возрасту, да и срочную службу уже прошел, причем в Туркестане — внук запомнил интереснейшие воспоминания об этом крае и басмачах, которые нападали на русские войска.

В 1914 году Лысенко исполнилось аж 35 лет! На групповой фотографии того периода он и выглядит как пожилой мужчина. Рассматривая альбом, я с удивлением замечаю: попал на фронт, он странным образом помолодел. Или это военная форма так красит всех мужчин, но на фото из Курляндии в 1917-м Лысенко смотрится бравым молодым солдатом.

«1915-й год. Второй год войны, — записывает он в дневнике 15 января. — Война все разгорается. Наши под большим напором отступают. Я по газетам за ходом войны слежу, но сердце в моей груди говорит: «Андрей, хотя и документ есть, но возмущут, придется воевать и тебе!» Так и есть. 18 июля услышал, что на 20 июля на пересовидательствование таких, как я, вызывают. Жена, дети. У самого в груди сердце разрывается. Но воздержусь от слез, чтобы своих не расстраивать. Прихожу в Павловск. Захожу в комнату, где комиссия. За столом сидят в эполетах. Доходит ряд и до меня. Врач спрашивает: «Ну что, чем

болен?» Я отвечаю: «Был отпущен по чистой отставке». А воинский начальник: «Будет носить по пять пудов — иди!» И все. За пять дней доставили в город Брест-Литовск, Польша, в 81-ю дивизию, 321-й полк, 8-ю роту. В окопы за крепостью правее дороги, что идет с города Варшавы».

«На четверонушках»

Вначале все мысли новобранца — о семье и доме, а крестьянская его душа болит об оставленном хозяйстве: «И вот я уже под грохотом всех родов оружия и страха защищаю свою родину, свою родную семью, которую оставил, — жену, трех дочерей и сиротку братову дочь. Но как оглянуться на пройденную жизнь, так сердце жалебно болит и говорит: это верная гибель. Скота бросил одну лошадь, одну корову, четырех овец, хлеба 60 мер старого урожая, а нового не мог убрать, дожди мешали. Вот такая моя разлука с моей родной семьей».

В армию призвали много маменькиных сынков, как пишет Лысенко. И с гордостью добавляет, что сам-то он из кадровых военных. Пишет, что 11 августа был крещен в огне в боях за крепость Брест-Литовск. Русские солдаты — голодные, оружия не хватает. А навстречу — вражеский бронепоезд. Зашли в крепость, а там — провиант, консервы разные, чего только нет.

«С 12 августа по 6 ноября 8 раз был в боях. В одном бою был контужен. Пролежал четыре часа, но благодаря теплой погоде я мог отойти. Ночью, не зная, где я, очунулся и давай на четверонушках ползти. Через реку перелез и нашел свою роту в лесу. Утром ротный потребовал двуколку с красным крестом. Я употребился остаться в роте, а то я после лазаретов не паду в свою роту, а тут мне все знакомы. Прошу дать мне отдохнуть. Он так и сделал. А в ночь опять бой. И поднялись, и пошли, и я иду... И в этом бою хорошо нашу часть потренили. Я приформирован в 16-ю роту, и тут меня назначили ротным капитанармусом (старшина по-нашему), 6 ноября я приступил на работу в деревне Вольная, 30 верст от линии огня. Тут я увидел свет, и ад миновал».

«Али у тебя есть кто?»

Запись от 1916 года: «Третий год войны. Этот новый военный год был

встречен уже на чужой сторонущке. Студенки Минской губернии. Встреча была скучна и больна для сердца... К весне этого года вышел приказ, что можно отпускать на один месяц в отпуск. Мне очередь была 5 июня. Я в то время болел малярией, но все-таки выехал. По приезде встретил всю семью живой и благополучной, а радости слов не находишь сказать. В Пирогове войны нет. Все живут. Кого на войне нет, те богатеют. А есть те, кто имеет трудности, но семья моя еще неплохо проживает. Хлеб имеется, корова и овечки есть. Мне чего только и не готовят кушать, но не вкушает желудок, заморен пищей, и все. Пробыл дома десять дней и все десять дней брал газету, следил, что там, где наша часть. В том районе большие бои проходят, а приезжаю — смотрю: стоят в одном лесу, а начальство все новое. Думаю: все мне. Нет, послали на работу».

Потом наступил революционный 1917 год. Солдат Андрей Лысенко в составе полка оказался под Ригой. «В пути 27 февраля услышали о свержении с престола государя Николая II, а 6 марта части митинговали. Многие торжествовали. После свержения царя начала управлять партия социал-демократов под руководством Керенского. Готовилось учредительное собрание. 15 октября из Курляндии начальство послало меня в командировку за покупками для войска нужных вещей. Дали денег 250 рублей, и своих было 75 рублей. Дорога была через Москву. Вот тут-то московская шлана меня и поздравила с покупкой — вытащила все деньги мои и казенные. Всего 325 рублей. И на гостинцы не осталось. Я разволновался. Что делать? Возвращаться в часть не с чем, домой ехать тоже. Часы карманные были, вот решил их продать и ехать домой. Еле-еле продал их за 30 рублей. Приезжаю домой. Жене о том, что меня обворовали, я не говорю, а у самого все на душе переворачивается. Жена видит и говорит: «Что-то, Андрей, не так. Али у тебя есть кто?» Тогда я на такой вопрос ответил, что со

мною в Москве случилось. Мне за украденные деньги предстоит суд. Тогда она говорит: «А почему же ты молчишь? Может, я твоему горю помогу, я же корову продала за 700 рублей — бери и рассчитайся с государством». Так я сделал».

В общем, корова спасла незадачливого капитанармуса от трибунала. Вернулся он в полк, а потом прочел в газете, что есть приказ о демобилизации людей его возраста. Правда, военное начальство про это молчит. Солдаты ничего не знают, грамотных мало. Андрей не лыком шит: записал номер газеты и число, когда приказ был опубликован, и давай хлопотать об увольнении. «Старичков» набралось четверо. Дошли до штаба дивизии. Там адъютант — уже без погон, потому что с офицеров их снимали. Офицер чуть было не ударил Лысенко: «Война идет, а вам какое-то увольнение!»

Невеста из Латвии

Как бы там ни было, но документы были получены. 17 декабря 1917 года Андрей Лысенко был из армии демобилизован. Как он встретил Октябрьскую революцию? По логике вещей, должен был ее приветствовать, ведь большевики обещали землю крестьянам. Но дальнейшие события развивались по формуле «белые пришли — грабят, красные пришли — грабят». В общем, Лысенко не присоединялся ни к белым, ни к красным. Потом, когда советская власть установилась твердо и окончательно, он даже членом правления колхоза был.

Есть еще один сюжет, связанный с Латвией, говорит Анатолий Ракитянский. Этот эпизод дед тоже вымарал из дневника, но рассказывает о нем любил. Уже в 1917-м, когда армия на глазах начала разваливаться, солдат стали отправлять на постоянной местный помещик — провианта не было, поэтому солдаты кор-

мились, помогая в хозяйстве. Андрей Лысенко тоже попал к хозяину-немцу.

«Дед был и сапожником, и столяром, и слеса-

рем — все умел! — говорит Анатолий Ракитянский. — В общем, хозяин предложил ему остаться и жениться на одной из его дочерей. Но дед сказал: «Не

могу, у меня жена и свои дочери есть». Когда в конце 1960-х дед переехал жить к нам в Ригу, то он просил отца найти хозяина этого хутора. Куда-то они ездили, но не помню ни как место называ-

лось, ни того, удалось ли им отыскать хутор. Думаю, усадьба могла сохраниться, а вот хозяева, скорее всего, уехали из страны в Германию, когда была

проведена репатриация немцев».

Еще один узелок на память о тех событиях столетней давности и привет от своего деда Анатолий Тихонович получил совсем недавно, когда изучал надпись на памятнике, установленном на рижском Покровском кладбище. Среди солдат, погибших в 1916–1917 годах, Ракитянский нашел однополчанина своего деда — поручика 321-го Окского полка Андрея Владимировича Шмурло.

Юлия АЛЕКСАНДРОВА.

«По мобилизации», 20 июля 1915 года, Л.А.М. — справа.

Дедушка Андрей, 1915–1917 гг.: Польша –Курляндия, 321-й окский полк.

фото из семейного архива.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Политические игры вместо работы

Вице-мэр Риги Андрес Америкс, а также депутаты Рижской думы Михаил Каменецкий и Андрей Козлов — о ситуации в Рижском свободном порту и о расторжении договора с AS Pasažieru vilciens.

Андрес Америкс.

Андрей Козлов.

Михаил Каменецкий.

Андрес Америкс: — Один из фундаментов латвийской экономики — это наши порты. Рижский свободный порт за 8 месяцев увеличил показатель по грузообороту на 14%, доходы превысили прогноз, а расходов было меньше, чем прогнозировалось. Порт во многом обеспечивает социальную стабильность. Леонид Логинов ни в коем случае не является незаменимым на своей должности. Но суть в том, что сегодня очередные политические игры ставят под удар хозяйственные задачи. Одна из них — новые технические возможности терминалов. Если бы мы видели, что Логинов как управляющий тормозит развитие порта, то он бы не работал на этом посту. Но мы видим совершенно иное — то, что отображается в показателях деятельности порта.

Михаил Каменецкий: — На заседании члены правления порта, представляющие правительство, поперебой утверждали, требуя занести их заявления в протокол, что они политически не ангажированы и рассматривают вопрос только с хозяйственной точки зрения. Но позволю себе подвергнуть это сомнению. Несмотря на то что все члены правления порта единогласно голосовали за план действий, предусматривающий различные варианты развития порта, вдруг, откуда ни возьмись, неожиданно появляется идея немедленно уволить Логинова. Обращаю внимание: 10 сентября мы собрались на внеочередное заседание, в повестке дня которого был вопрос о снятии управляющего. Как вы думаете, каким числом были оформлены документы с аргументом о том, почему это нужно сделать? 9 сентября!

— А какая была аргументация этого предложения?

Каменецкий: — В основном несоответствие принципам хорошего управления. Хотя, на мой взгляд, этой фразой многие сегодня прикрываются только для того, чтобы ничего не делать. По мне, не очень хорошие принципы управления и постоянно растущий грузооборот — это лучше, чем наоборот. Поэтому не верю в слова инициаторов отставки Логинова о том, что эта идея обоснована исключительно экономическими причинами и в ее основе нет никакой политики. Если уж работа Логинова не соответствует принципам хорошего управления, то по этой статье первый, кого нужно увольнять, — это министр сообщения Анриис Матисс, допустивший хаос в АО Pasažieru vilciens.

— Кстати, вам не кажется, что решение AS Pasažieru vilciens прекратить сотрудничество с Рижской думой по перевозке пассажиров тоже является политическим?

Америкс: — От имени Рижской думы хочу извиниться перед рижанами, которые почти год в электричках могли пользоваться преимуществами, которые дает карта рижанина. Согласно договору между Рижской думой и предприятием Pasažieru vilciens, из городского бюджета ежемесячно переводилось около 42 тыс. евро в качестве оплаты поездов рижан в электричках. Это 0,5 млн. евро в год! В любом случае электрички ходят по расписанию, независимо от того, едет в вагоне поездка 10 или 30 человек. Поэтому с руководством Pasažieru vilciens мы нашли общий язык о том, как создать дополнительные удобства для жителей Риги и одновременно улучшить экономические показатели железнодорожного предприятия. Однако правление Pasažieru vilciens реши-

ло расторгнуть действие договора с ближайшей субботы, 13 сентября. Они считают, что мы должны заплатить за предыдущий период большие деньги — 560 тыс. евро, хотя об этом не было ни слова ни в одном из договоров. Конечно, мы постараемся продолжить переговоры с руководством пассажирского предприятия, но считаю, что они заблудились в трех соснах.

Андрей Козлов: — Мы предложили увеличить сумму своего взноса, учитывая, что у рижан эти маршруты пользуются большим спросом. Однако мы можем это сделать только в ноябре, когда рассмотрим поправки к бюджету. Видимо, в Pasažieru vilciens привыкли к стилю правительства, когда «обещать» означает «не выполнять», поэтому подумали, что мы тоже только говорим, но не выполняем свои обязательства в ноябре. На их взгляд, легче прервать договор. Но мы продолжили переговоры, затем пройду парламентские выборы, и тогда, надеюсь, все снова будет руководствоваться здравым смыслом. Хотя уже сегодня абсолютно ясно, что Pasažieru vilciens идет куда-то не туда. Недавно разогнали все правление, значит, и правительство понимает, что там есть проблемы.

Америкс: — Но завершить хочу на положительной ноте. Рижская дума поддерживает столичные театры, и хочу поздравить всех зрителей Рижского русского театра с тем, что в нем появилась еще одна сцена. Теперь их там будет три: Большая, Малая и Экспериментальная! Из городского бюджета в эти помещения вложено 50 тыс. евро, и мы рассчитываем, что репертуар Рижского русского театра прирастет творческими идеями молодого поколения. Верю в их успех!

Константин КАЗАКОВ.

Но проводили! Прихожу в Павловск, захожу в кабинет где комисия. За столом сидят в эполетах. Доходит ряд и до меня. Врач спрашивает, ну что, чем болен? Я отвечаю был отпущен по чистой отставке. А воинский начальник, что будет носить по 5 пудов. А воинский начальник, что будет носить по 5 пудов. Говорит иди и все. И итоге за 5 дней доставили куда это им было нужно. В город Брест-Литовск Польша в 81 дивизию 321 полк. 8 роту в окопы за крепостной правей дороги, что идет с города Варшавы.

Страницы дневника.